

УДК 327.51; 327.57

DOI: 10.31857/S268667300014783-1

Трансформации Трансатлантического сотрудничества: США и ФРГ в НАТО (1980 г.)

А.А. Синдеев

Институт Европы РАН.

Российская Федерация, 125009 Москва, ул. Моховая, д.11, стр.3В

ORCID 0000-0001-5016-7931

e-mail: a_sin74@mail.ru

Статья поступила в редакцию 23.03.2021.

Резюме: политика в XXI веке продолжает развиваться в направлении алгоритмизации, совершенствования и воспроизводства ранее сформированных подходов. Широкая сеть институтов и их многоуровневая структура затрудняют выявление используемых алгоритмов. Решению этой проблемы призван помочь историко-политологический подход, суть которого состоит в изучении наиболее важных феноменов, содержательного и временного плана традиции, процессуальной включенности. Автор статьи предлагает интерпретировать трансформации трансатлантического сотрудничества статично (через характеристику феноменов) и динамично (через иерархию факторов и развитие элементов политического алгоритма). Поскольку все обобщения в статье сделаны на примере отношений Соединённых Штатов и Федеративной Республики Германии в 1980 г., полученные результаты и выводы являются предварительными. Однако уже на данном этапе исследования интерес представляют подходы к разработке стратегической перспективы альянса, так называемые ограничители сотрудничества, их влияние на концепцию военно-стратегического паритета. Под отношениями США и ФРГ в НАТО понимается разноплановый политический диалог, касающийся военных и связанных с ними вопросов. Исследование в данном направлении имеет практическое значение. Статья носит дискуссионный характер.

Ключевые слова: США, ФРГ, НАТО, трансатлантическое сотрудничество, солидёрство, стратегия Запада

Для цитирования: Синдеев А.А. Трансформации трансатлантического сотрудничества: США и ФРГ в НАТО (1980 г.). США & Канада: экономика, политика, культура, 2021; 5:69-83. DOI: 10.31857/S268667300014783-1

Transformation of transatlantic cooperation: The United States and Germany in NATO (1980)

Alexei A. Sindeev

Institute of Europe (Russian Academy of Sciences),

11-3B, Mokhovaya street, 125009 Moscow, Russia

ORCID 0000-0001-5016-7931

e-mail: a_sin74@mail.ru

Abstract: Politics in the 21st century is algorithmized and developed on the basis of the algorithms developed. A broad network of institutions and their complex structure make scientific research into these algorithms difficult. The problem can be solved by applying the historical-political

methodology. According to the author, this methodology includes the research of important phenomena, the content and time of the tradition, the development and structure of the processes. The author interprets transformations of transatlantic cooperation statically (state of the phenomena) and dynamically (hierarchy of factors and development of political algorithms). Since the conclusions are drawn from the example of relations between the United States and the Federal Republic of Germany in 1980, they can therefore only be viewed as hypotheses. At this stage of the research it is already clear that strategic plans of the Alliance, so-called limiting factors of cooperation and their influence on the conception of military-political parity are of particular interest. Relations between the USA and the FRG are understood to mean a broad-based political dialogue on military and other issues that are closely related to the subject of this dialogue. Research into the problem is of practical importance. The article has a discussion character.

Keywords: USA, Germany, NATO, трансатлантическое сотрудничество, co-leadership, strategy of the West.

For citation: Sindeev A.A. Transformation of transatlantic cooperation: The United States and Germany in NATO (1980). USA & Canada: Economics, Politics, Culture. 2021; 5: 69-83. DOI: 10.31857/S268667300014783-1

ВВЕДЕНИЕ

История НАТО интересна и противоречива. Для её написания необходимо изучить взаимодействие отдельных государств-участников, проанализировать многочисленные инициативы, подходы, оценки, учесть любопытные и отнюдь не случайные факты: например, категоричное «нет» намерениям Вашингтона понизить уровень атомной гарантии для западноевропейских стран, озвученное генералом Г. Шмюкле, находившимся с 1964 по 1968 г. на «самом неважном посту» военного советника постоянного представителя ФРГ в НАТО [6: 545 -546].

Не забыть о планах генералитета ФРГ разместить на случай войны с социалистическими странами на границе с ГДР и «в жизненно важных регионах» Западной Германии мины с атомным зарядом, вызвавших резкое осуждение в штаб-квартире альянса, поскольку жертв среди мирного населения оказалось бы неизмеримо больше, чем у потенциального противника. Из-за чего закономерно возник вопрос: «С кем в действительности собираются воевать генералы?» [6: 548].

Не удастся обойти вниманием январскую встречу четвёрки НАТО (США, Великобритания, Франции и ФРГ) в 1979 г., на которой была согласована структура будущего «двойного решения» [3: 250]; и ожесточенные дискуссии в СДПГ, сопровождавшиеся критикой однопартийца, министра обороны Х. Апеля, для которого, согласно его заявлению в феврале 1980 г. на Синоде Протестантской церкви, «безопасность на... Земле (выделено мною. – А.С.) неделима» [3: 252]. И это только факты, связанные с одним государством-членом.

Таким образом, изучение истории НАТО – занятие чрезвычайно трудоёмкое и, по всей видимости, непосильное для одного исследователя, который и после его

успешного завершения должен будет обосновывать практическое значение проведённой работы: событийная история любопытна, с точки зрения включения в научный оборот фактов, но довольно беспомощна в том, что касается обобщений и рекомендаций. Впрочем, обобщения никогда и не были её основной задачей.

Историю НАТО наверняка придётся писать как историю феноменов и в более широком контексте – трансформаций трансатлантического сотрудничества. Однако при такой установке речь не может идти об истории в чистом виде. Феноменологическая заданность позволяет обозначать применяемый подход как историко-политологический, а проблематика трансформаций способствует выходу на ещё один уровень обобщения.

Выбор 1980 года обусловлен тремя причинами:

во-первых, этот год стал последним годом президентской администрации Дж. Картера [1: 530-556, 559-560; Рабуш, 2017; Wiegrefe, 2005: 252-278, 328-370] и ознаменовал переход к новой администрации Р. Рейгана. Трансформации всегда правильнее начинать анализировать в переходные периоды [Голдстоун, 2014: 276-300; Урри, 2018: 33-55];

во-вторых, в этот год активно шло обсуждение путей реализации «двойного решения» НАТО и формировалась западная политика после ввода советских войск в Афганистан или, согласно Дж. Картеру, вырабатывался ответ на «сильнейш[ую] угрозу[у] миру, которая когда-либо существовала со времён Второй мировой войны» [цит. по: Вард, 2009: 213];

в-третьих, 1980 год из-за выборов в бундестаг и необходимости взять на себя больше ответственности оказался переходным также для Федеративной Республики Германии, а это невольно заставляет проводить параллели с современностью.

Исходя из выше отмеченного, цель статьи заключается в анализе направлений сотрудничества США и ФРГ в контексте их последующего влияния на трансформации трансатлантических отношений, что делает излишним кризисный дискурс, свойственный характеристике отношений США и ФРГ в период администрации Дж. Картера [Wiegrefe, 2005]. Под взаимодействием и сотрудничеством в НАТО автор понимает любые военно-политические вопросы, затрагивающие состояние и перспективы альянса.

АФГАНСКИЕ СОБЫТИЯ И ШАНСЫ «СОВЕТСКОГО ВЫЗОВА»

В 1980 г. Североатлантический альянс был озадачен «непредсказуемостью» Советского Союза [Schmid, 2007: 51-56]. На внеочередном заседании в Брюсселе 1 января заместитель госсекретаря У. Кристофер подчеркнул, что «впервые после Второй мировой войны советские вооружённые силы пошли на прямое военное вмешательство в дела государства, которое расположено вне территории действия Варшавского пакта» [2: 3]. По мнению американской стороны, возникала

опасность использовать договоры о дружбе для обоснования последующих военных акций, что существенно повышало значение «солидарного и энергичного поведения Запада» [2: 4].

Потенциальную «угрозу» привычно обосновывали через «стратегию силовой политики», текущий вариант которой заключался в стремлении СССР проникнуть к Индийскому океану, взять под контроль ближневосточную нефть, разделить «союзников (европейцев от американцев, европейцев друг от друга)», «изолировать немцев», нейтрализовать или «финляндизировать» Западную Европу [2: 39, 41, 638; 5: 15579].

9 декабря, после прошедших президентских выборов, министр обороны США Г. Браун утверждал: «Советский Союз постоянно расширяет свой военный потенциал и готов применять его беспощадно. Реакция на это предполагает политическое лидерство; общественность должна осознать опасность того, что СССР в конце десятилетия станет доминирующей силой в мире» [2: 1841]. Наряду с военной «беспощадностью» (*Rücksichtslosigkeit*) не исключалось расширение советской сферы влияния мирными средствами.

ФРГ делала ставку на «красные линии», историческую ответственность и по мере возможности подыгрывала американцам. С одной стороны, министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер, премьер-министр Баварии, кандидат на пост канцлера от христианских партий на выборах в бундестаг в 1980 г. Ф.-Й. Штраус, постоянный представитель ФРГ при НАТО (до 31 августа 1980 г.), посол Р.-Ф. Паульс сравнивали политику СССР с политикой национал-социалистов. «События 1930-х годов, – убеждал Р.-Ф. Паульс коллег, – когда лишь десять месяцев спустя после обнародования нюрнбергских расовых законов мир принял участие в Берлинской олимпиаде, должны послужить нам предостережением. Тоталитарные системы чувствительны к общественному мнению» [2: 9]. В апреле федеральное правительство поддержало бойкот Олимпиады 1980 г. в Москве [2: 603].

С другой стороны, 15 апреля Г. Шмидт в беседе с президентом Дж. Картером обратил внимание на то, что у ФРГ есть подписанные с СССР документы и он, Шмидт, «как немец, повзрослевший во время Гитлера, чувствует особые моральные обязательства не нарушать договоры» [2: 604].

16 июня статс-секретарь МИД ФРГ Г. ван Велль привёл и другое обоснование: «Мы живём экспортом. Поэтому для нас трудно применять экономическое оружие для тактических, политических целей. Это в конце концов приведёт к экономической дестабилизации нашей страны, что никто не желал бы» [2: 903].

Нельзя было не учитывать и предложенную Г. Шмидтом интерпретацию «действительной опасности»: «Действительная опасность, – подчеркнул федеральный канцлер, – не нападение, а политический шантаж Запада военным превосходством Востока» [2: 1281], из чего следовало, что излишние санкции – преувеличенная реакция на шантаж и признак слабости.

Американцы поняли используемую западными немцами тактику и с самого начала выражали готовность к компромиссу. 17 января в беседе со Г. Шмидтом У. Кристофер заметил: «От дружеских стран ожидают параллельные, не обязательно идентичные шаги» [2: 89]. Р.-Н. Купер, заместитель госсекретаря по экономическим вопросам, высказался ещё терпимее: «к эффективности санкций нет слишком большого доверия. Следует подумать над альтернативами» [2: 91].

Наряду с довольно простым выводом о том, что в 1980 г. в арсенале НАТО могли появиться альтернативы, более принципиальным, на мой взгляд, является указание на возможность стран-участниц, независимо от их статуса, вести самостоятельную сложную игру, в которой, с учётом политического, экономического и ценностного единства, не стоит пытаться обнаружить однозначных победителей и проигравших. Именно благодаря этой игре формировался общий подход Запада.

РАБОТА НАД СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВОЙ

Любое институциональное образование переживает различные по продолжительности стадии замедления, когда проявляется недовольство привычными моделями поведения, разделением ответственности, звучит критика в неадекватности к почему-то всегда многочисленным внешним вызовам.

Для Североатлантического альянса одну из подобных стадий озаменовал 1980 год, а катализатором послужил ввод советских войск в Афганистан. 1 января Р.-Ф. Паульс призвал коллег «проверить, настроен ли [альянс] на конфликты, которые не произойдут», и не «пренебрегает ли [он] подготовкой к конфликтам (*Konflikttypen*) 1980-х годов», которые «возникают в третьем мире» [2: 8-9].

Очень быстро тезис о «европейском корсете» НАТО перешёл в размышления о «политическ[их] консультации[ях] с целью координации политики союзников вне области действия [североатлантического] договора, откуда, – утверждал тот же Р.-Ф. Паульс, – и исходит главная опасность» [2: 39].

Кроме того, Р.-Ф. Паульс полагал, что «альянс находится отнюдь не в хорошем состоянии», и представил две альтернативы, одна из которых на тот период времени была довольно странной: «восстановление политической солидарности с помощью совместных действий» или «дальнейшая политическая дезинтеграция» [2: 39]. Впрочем, к концу года речь шла, с точки зрения Г. Шмидта, лишь о «недостатк[е] политического руководства и консультаций, которые приводи[ли] бы к реальному обмену (*Geben und Nehmen*)» [2: 1698].

В мобилизации недовольных Бонн преуспел. Канадский министр иностранных дел М. МакГиган согласился с немцами, что натовские консультационные механизмы в необходимой мере не сработали и разногласия по ряду вопросов стали известны общественности [2: 1008].

Представители Великобритании сначала осторожно заметили, что «альянс не переживает настоящих проблем»; его трудности возникли исключительно по причине «различных графиков внутривнутриполитической природы» [2: 1006]. Позднее премьер-министр М. Тэтчер уточнила: «У НАТО дела обстоят нехорошо. Организация потеряла динамику. Члены не получают более "*value for money*"» [2: 1696].

Французы отреагировали предсказуемо с привычным для них тезисом («Альянс не означает единообразие»), к которому министр иностранных дел Франции Ж. Франсуа-Понсе добавил: «Минимум разнообразия в альянсе повысит его эффективность» [2: 1007].

Однако позиция Бонна была сложнее. Г.-Д. Геншер, представляя в декабре 1979 г. в бундестаге «двойное решение» НАТО, сказал: «Политическая цель федерального правительства – не привести нашу страну к особому (*singulär*) статусу – достигнута» [4: 15466]. Несмотря на «достигнутую цель» в течение 1980 г. были внесены предложения, свидетельствовавшие об ином. Обобщённо их содержание сводится к следующему:

- чаще организовывать консультации, поскольку НАТО «нужны руководство и консультации» (Г. Шмидт, 16 ноября) [2: 1697]; «внутренняя работоспособность НАТО – это не только вопрос генерального секретариата... НАТО должны улучшать национальные правительства» (Г.-Д. Геншер, 16 ноября) [2: 1698]. Г. Шмидт конкретизировал и понимание «лидерства»: «лидерство не означает, что можно диктовать другим членам альянса» [2: 1700];

- позаботиться о так называемом сбалансированном действии, то есть о единой политике стран-участниц НАТО в отношении государств третьего мира, проведение которой, с одной стороны, не должно было афишировать принадлежность к альянсу, с другой – происходить в рамках принятой им стратегии;

- выстроить «скоординированный и солидарный» антикризисный менеджмент с механизмами управления угрозами, дополнительным элементом которого стало бы принуждение Советского Союза, в случае обострения отношений с членами НАТО, к одновременному решению нескольких сложных внешнеполитических проблем;

- не допустить нейтрализации и ухода США из Европы, избежать «политико-психологического отдаления» от Америки. «Если американская общественность... узнает, что США, столкнувшиеся с Советским Союзом... вне территории альянса, окажутся... покинутыми их европейскими союзниками, то это будет иметь глубинные последствия в американском политическом сознании, [принесёт] больш[ой] вре[д] для будущей политики безопасности европейцев», – подчеркнул Р.-Ф. Паульс [2: 40];

- усилить роль Турции.

Ставка на укрепление НАТО, естественно, поддерживалась в Вашингтоне. При этом американцы не собирались отказываться от дифференцированной политики: стратегические инициативы и их обсуждение не должны были подменять выполнение текущих обязательств и планов. 6 февраля постоянный представитель США в НАТО У.-Т. Беннетт отмечал в Брюсселе: «Если Америка берёт на себя большую нагрузку, то она должна ожидать от европейцев, что и они сделают больше для коллективной безопасности альянса и гарантий совместной безопасности» [2: 252]; затруднят получение Советским Союзом новых кредитов; поддержат бойкот Олимпийский игр 1980 г. в Москве; будут содействовать выполнению долгосрочной оборонной программы (выдвинута президентом Дж. Картером на Лондонском саммите 1977 г., утверждена на следующий год на Вашингтонском саммите) и модернизационной части «двойного решения».

К известным способам избежать нежелательного давления относятся инициативы, связанные с новыми форматами, с изменением состава и укреплением действующих форматов. Немцы (и не только они) активно ими пользовались.

Соединённые Штаты, согласившись с созданием *Special Consultative Group* (в немецкой интерпретации «особого консультационного органа», который «предоставит европейским партнёрам возможность соучастия в переговорах между США и Советским Союзом» [4: 15467]), подготовили почву для такого рода инициатив. Уже в начале 1980 г. Г. Шмидт заметил: «Четвёрка (США, Великобритания, Франции и ФРГ. – А.С.) должна быть едина в вопросах политики и в распределении задач, прежде чем дело будет передано в Совет НАТО» [2: 95, 355]. М. Тэтчер размышляла о двусторонних консультациях европейцев в рамках НАТО, дополненных консультациями в составе четвёрки.

В 1980 г. Федеративная Республика, не претендуя официально на «особый статус», стала одним из разработчиков потенциальных реформ в НАТО. Впервые в качестве цели сотрудничества была названа сбалансированная эффективность. В идейном багаже НАТО оказались «сбалансированное действие», подразумевающее среди прочего совместную координацию через структуры альянса политики безопасности и внешней политики стран-участниц в отношении наиболее важных регионов; тактика одновременной активизации антикризисного менеджмента и обострения внешнеполитического положения стран-контрагентов; возможность диверсификации подходов и форматов, военно-политических результатов.

С учётом последнего безопасность могла рассматриваться не только в европейском контексте. Перспектива преодоления «европейского корсета» перестала быть табу.

ОГРАНИЧИТЕЛИ СОТРУДНИЧЕСТВА

16 декабря представители США, Великобритании, Франции и ФРГ обсуждали каталог ответных мер на «возможную советскую интервенцию» в Польше. Позиция США, состояла в том, чтобы составить «каталог... для экстренного случая», то есть провести обычное рабочее совещание [здесь и далее в подразделе цит. по: 2: 1890-1899]. В ходе дискуссии было предложено, «чтобы Запад отреагировал правильно», поскольку «[к]аждая контрмера означает следующую ступень эскалации... [и] нужно постоянно не упускать из виду контроль над эскалацией».

После проведения военной акции в Польше «дисквалификация» Советского Союза как «нормального партнёра», полагали западноевропейцы, не должна иметь последствий для других направлений сотрудничества с Москвой. Да и Дж.-С. Вест, помощник госсекретаря по европейским делам, считал, «что во все контрмеры необходимо встроить разумную опцию возвращения (*reasonable amount of reversability*)».

Великобритания, Франция и ФРГ предложили применить ограничители в санкционной политике, сделав ставку:

- на «необходимост[ь] реагировать на ожидаемое возмущение» общественного мнения, поскольку «любая реакция Запада должна... рассматриваться в соотношении общественных настроений»;
- на «сохранени[е] достоверности Запада, особенно альянса»;
- на поддержание переговорных каналов для «влияния на будущее советское поведение».

Принципиальную роль играл правовой аспект. Представители западноевропейских стран не хотели нарушать действующие договоры, но соглашались подумать над приостановкой имплементации не вступивших в действие документов.

Д.-Р. Хинтон, помощник госсекретаря по экономическим вопросам, возразил: «Американское правительство не возьмёт на себя обязательств, что "частные соглашения" не могут нарушаться или что правительственные соглашения являются неприкосновенными».

Западноевропейские партнёры Америки признали, что «интервенция», если она будет иметь место, означает нарушение положений Заключительного акта Хельсинки, и напомнили, что «запрет на использование силы является основой... для Соглашения четырёх держав по Берлину, для германских восточных договоров и для Основополагающего договора» 1972 г. (Договора об основах отношений между ГДР и ФРГ).

Приостановка действия договоров, считали они, привела бы к дисбалансу системы международных отношений, повредила бы сотрудничеству между Запа-

дом и Востоком. Американцам, как отмечалось выше, пришлось учитывать данную позицию, поскольку Вашингтон и сам неоднократно заявлял о готовности работать с Москвой над разоружением и контролем над вооружениями.

В итоге Великобритания, Франция и ФРГ, хотя и настаивали на оговорке, что критерии «выгода» и «ущерб» не соответствуют действительности, так как, по их мнению, нет соглашений, от которых пользу получал бы исключительно Советский Союз, были вынуждены смириться с особым характером экстренного случая, требуемыми при его наступлении «специфическими решениями» и экономическими санкциями, «которые превышают то, что было сделано в случае с Афганистаном».

Складывается впечатление, что дискуссия 16 декабря с точки зрения результата является ещё одним примером доминирования США. Однако по крайней мере четыре обстоятельства не подтверждают столь категоричный вывод:

- усложнённая солидарная и системная аргументация представителей Великобритании, Франции и ФРГ, связанная с особыми европейскими интересами и принципом пропорциональности;
- отказ от рассмотрения санкций в качестве *ultimo ratio* политического действия;
- нежелание брать на себя новые обязательства до наступления «интервенции»;
- попытка согласовать стратегию применения санкций и выхода из них.

Если же к этому добавить длительное обсуждение немцами просьбы правительства США разрешить полёты американской авиации на Ближний Восток через территорию ФРГ и принятое решение дать согласие при условии «своевременного, подробного информирования о соответствующих американских планах (*contingency planning*)», а также сделанную оговорку о целесообразности привлечения «нескольких партнёров по альянсу» [2: 1611], то в наличии системных ограничителей, к которым – и это далеко не полный список – относятся солидарность, правовой стандарт, внутривнутриполитические последствия, сомневаться не приходится.

Ограничители отличаются по своей природе и находятся в противоречивых отношениях, поскольку солидарность – производный и переменный феномен; правовой стандарт – системообразующий и относительно стабильный феномен; внутривнутриполитические последствия – неустойчивый феномен. Складывающаяся между ними ситуативная иерархия усиливает противоречия.

Возражение, что ограничители можно не учитывать в анализе сотрудничества, едва ли оправдано, потому что они – неотъемлемая часть любой институциональной традиции. Если же оставить их вне поля анализа, то серьёзные долгосрочные прогнозы станут затруднительными.

Важно не забывать, что системные ограничители продолжают влиять на принимаемые в НАТО решения, а Соединённые Штаты, несмотря на политическую

и экономическую мощь, не в состоянии управлять ими автономно. Следовательно, нарушение баланса и внутренние конфликты в НАТО, в том числе и из-за наличия ограничителей, являются характерной чертой этой организации.

О ВЗНОСЕ В ВОЕННЫЙ И ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПАРИТЕТ

Федеративная Республика не могла рассчитывать на весомую роль в формировании подходов к военному и военно-стратегическому паритету не только в силу отсутствия ядерного оружия, неполного суверенитета, но и по причине разногласий политической элиты, которая хотя и признавала важность паритета, необходимость взаимных обязательств сверхдержав в разоружении, значимость контроля и связанных с ним мер по обеспечению доверия, но не была едина относительно вноса страны, уровня ядерного сдерживания, сути и перспектив соединения сдерживания и разрядки, темпов увеличения бюджетных расходов. Ситуация обострялась президентскими выборами в США и предвыборной кампанией в бундестаг.

Христианские партии настаивали на разгрузке американцев. Г. Коль, в то время руководитель фракции ХДС/ХСС в бундестаге [Schwarz, 2012: 206-272], «счита[л]... невозможным для себя», что только США несут «ответственность и груз по защите свободы» [5: 15592]. Паритет он понимал как «политико-военный баланс», «всемирно-политический баланс», «региональный баланс во всех частях мира», а значит – в качестве многоуровневого феномена, с помощью которого могла быть обеспечена политическая, экономическая и военная стабильность. В связи с этим права человека (в духе Дж. Картера) становились элементом концепции паритета [1: 481-482, 513].

Косвенную поддержку Г. Коль получил от министра обороны, социал-демократа Х. Апеля, заявившего: «Разоружение тогда хорошо, когда оно ведёт к укреплению (*Erhöhung*) нашей безопасности» [2: 884]. Это не исключало трактовку безопасности в широком контексте «всемирно-политического баланса».

Американцы наблюдали за немецкой и «европейск[ой] реакци[ей] со смесью развлечения, плохого настроения и раздражения» [2: 252; см. также об «американских играх в песочнице»: Schmid, 2007: 56-63. Обозначение «игры в песочнице» – М. Шмида]. 14 мая госсекретарь Э. Маски дал понять, что будущая разрядка нереальна без наращивания силового потенциала. «Если в настоящее время подчёркивается ядерное сдерживание, то это исключительно намерение усилить основу, на которой возможна разрядка», – сказал он [2: 761].

«Дилемма Шмидта» состояла в том, чтобы, с одной стороны, «сохран[ить] [в] пользу... баланса... оборонн[ую] мощь и одновременно продолж[ить] политик[у] контроля над вооружениями» [2: 1280-1281]; «с другой стороны мы должны быть начеку, – утверждал канцлер, – перед теми людьми..., которые не хотят осуществлять вторую часть "двойного решения" НАТО. Это обострило бы... конфликты во

внутренней политике и в отношении с США» [2: 1281]. Г. Шмидт подозревал, что «авторитетные американские лидеры рассматривают оборонную мощь лишь с точки зрения функции используемых для этого бюджетных средств» [2: 1281].

На многочисленных встречах американцы делали вид, что до конца не понимают позицию канцлера, из-за чего немцам приходилось многократно повторять одно и то же. Одним из примеров подобной «нелогичной беседы» является телефонный разговор Дж. Картера и Г. Шмидта 15 апреля. Канцлер, значится в официальной записи, «сообщает президенту... о замечании, которое он делал в предвыборных речах. Оно исходило из того, что... возможно приступить к переговорам на основе промежуточного соглашения между великими державами, во всяком случае до 1982 г. новые ракеты средней дальности не будут размещены. Запад не сможет этого сделать, так на производство этих вооружений потребуется до трёх лет... На замечание президента Дж. Картера, что нужно учесть шаткую позицию итальянцев и бельгийцев, избежать впечатление, что раскачивается пакет решений от 12 декабря 1979 г., канцлер подчеркнул, что, само собой разумеется, он развивает эти идеи только в рамках декабрьских решений» [2: 605].

Американцы продолжали оказывать давление. 14 ноября министр обороны Г. Браун «подтвер[дил] чрезвычайное значение, какое придаётся выполнению трёхпроцентной цели уже в подходах к бюджету (Ministerial Guidance 1977 о ежегодном увеличении расходов на оборону. – А.С.), в законе о бюджете на 1981 г., а также принятому в связи с "двойным решением" повышению инфраструктурного лимита НАТО» [2: 1693].

Г. Шмидт сопротивлялся. Ведь он не считал «афганский вариант» вероятным для Европы. 16 ноября канцлер заявил британскому премьер-министру, «что у него нет комплекса неполноценности. В течение трёх дней, благодаря большому потенциалу резервистов... под ружьём могут стоять 1,25 млн хорошо обученных солдат» [2: 1698].

Победа Р. Рейгана и полученная информация о политике будущей администрации заставила пойти американцам навстречу. «По желанию федерального канцлера» была актуализирована «тема логистической помощи (*Unterstützungsleistungen*) для подлежащих к направлению [в случае войны] на территорию Федеративной Республики Германия дополнительных американских вооруженных сил» (*Wartime Host Nation Support*), о чем вместе с компенсацией расходов на передислокацию ряда подразделений к германо-германской границе США запросили 4 ноября. Немцы подсчитали, что «[р]еализация этой концепции привела бы к значительным расходам... (около 973 млн марок инвестиций; около 56 млн марок... ежегодных эксплуатационных расходов» [2: 1916], но она позволяла отсрочить выполнение других требований Вашингтона.

В условиях очередной настройки сотрудничества Хельсинский процесс превращался во вспомогательный. Неслучайно 1 августа Р.-Ф. Паульс написал в МИД

ФРГ: «Атлантический альянс – основа для существенного элемента процесса СБСЕ» [2: 1184].

Теоретически паритет можно попытаться достигнуть двумя способами – с помощью силового давления и разрядки. Силовое давление основано на росте вооружений и усилении недоверия к потенциальному противнику. Оно представляет самостоятельный временной и договорной процесс, имеющий способы мобилизации и механизмы верификации. Он едва ли может быть прерван или завершен без промежуточной фиксации результата.

В свою очередь разрядка (приостановка роста или сокращение вооружений) – несколько иной по логике и внутренней структуре процесс, при реализации которого недоверие не исчезает. Разрядка направлена на прагматическую корректировку национальных программ. Ее основное противоречие состоит в том, что, способствуя новому паритету, она одновременно является и результатом прежнего паритета. Следовательно, политика разрядки не может быть постоянной.

Получается, что паритет – не только военный, но и политический феномен. Сбалансированность ему придают успешно функционирующие сотрудничество и союзнические отношения.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Сотрудничество – особый способ взаимодействия. Степень доверия, пространственная реализация и традиции влияют на его партнерский или союзнический варианты.

Сотрудничество можно интерпретировать и как самостоятельную систему с институциональной иерархией, а доминирование как институциональный феномен. В данном контексте доминирование США оказывается производной от влияния страны в различных организациях и невозможно вне институциональных структур. Следовательно, Соединённые Штаты как сверхдержава не смогут в полной мере поддерживать свой статус без сети партнёрских и союзнических организаций.

Поскольку значение организаций и степень сплочения в них отличаются, особого интереса заслуживает НАТО, которую можно рассматривать как с точки зрения внутреннего взаимодействия (истории организации), так и в духе историко-политологического подхода через анализ феноменов сотрудничества.

В последнем случае событийный уровень должен быть дополнен природой и состоянием ряда факторов, к примеру, ситуативными интерпретациями потенциального противника, перспективным планированием, системными ограничителями сотрудничества, вариантами паритета, характеристикой особенностей взаимодействия США и отдельных стран-участниц.

Факторы включаются в процессы, приобретают содержание, значение, традицию и, что немаловажно, подвергаются воздействию постоянных и переменных

причин, благодаря чему они и (видо)изменяются. Таким образом, трансформации сотрудничества имманентны. Они не являются признаком кризиса.

Взаимодействие США и ФРГ в течение 1980 г. в НАТО позволило выявить четыре любопытные и для нашего времени тенденции, на которые следует обратить особое внимание, но которые из-за продолжающегося в этом направлении исследования нельзя абсолютизировать:

- изучая реакцию на потенциального противника важно понять, о каких конкретных угрозах и проблемах идёт речь. Закономерностью, по всей видимости, является следующее: чем больше собственных проблем у участников и организаций, тем больше в открытом дискурсе будет сообщаться о действительных и мнимых вызовах и угрозах, исходящих от данного противника. Следовательно, проблемные ситуации, созданные противником и (или) противниками, будут восприниматься скорее всего в качестве шанса для консолидации и сплочения, политических игр;

- параллельно с анализом угроз, как правило, проходит дискуссия о стратегии. Она инициируется державами, оказывающимися, с точки зрения их национальных элит, наименее защищенными или теми странами, которые хотели бы избежать чрезмерной (политической, финансовой и иной) нагрузки;

- благодаря полученным в ходе дискуссии о стратегическом поиске результатам формируются перспективные идеи (к примеру, стратегическая эффективность или сбалансированное действие) и может быть установлена определённая иерархия между ними;

- основной ограничитель сотрудничества всегда обусловлен внутренним развитием организации и (или) её ведущих участников.

В 1980 г. особую роль играли национальные внутривнутриполитические последствия. В связи с этим допустима ещё одна гипотеза: если внутривнутриполитические последствия не позволяют быстро и успешно работать над стратегической перспективой, то будет продолжена диверсификация политики и усиливаться институциональный дисбаланс.

Выявленные тенденции имеют практическое значение: под каждую из них может быть выстроен специальный дискурс, обладающий большим разрушительным (воз)действием, чем известные пропагандистские методы, и от реакции на который странам-адресатам достаточно сложно полностью защититься.

К примеру, едва ли станет подвергаться сомнению то обстоятельство, что внешнюю угрозу можно сконструировать, а значит – вызвать определённую реакцию на неё, благодаря которой дискуссия о стратегии, если она начнётся, окажется крайне уязвлённой не только потому, что она будет вестись в неверном направлении, но и из-за заранее подготовленной авторами сконструированной

угрозы критики на полученные результаты. В современных условиях практически любой ограничитель может быть активизирован в нежелательных для участников сотрудничества ситуациях и направлениях.

Исходя из этого, принципиально важно в дальнейшем установить общее содержание алгоритмов трансформаций трансатлантических отношений и способы управления ими.

ИСТОЧНИКИ

1. Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно: Посол в Вашингтоне при шести президентах, 1962-1986 гг. М.: ЗАО Из-во Центрполиграф, 2016. 800 с.
2. Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1980 / Möller H., Hildebrand K., Schöllgen G. (Hg.). München: Oldenbourg Verlag, 2011. 2204 p.
3. Apel H. Sicherheitspolitik und Parteiräson // Vom Kalten Krieg zur deutschen Einheit: Analysen und Zeitzeugenberichte zur deutschen Militärgeschichte, 1945-1990 / Thoß B. (Hg.). München: Oldenbourg Verlag, 1995. Pp. 249-259.
4. Deutscher Bundestag: Stenographischer Bericht, 194. Sitzung (14. Dezember 1979). Bonn: Bonner Universitäts-Buchdruckerei, 1979. 128 p. (I-XVII, 15443-15551).
5. Deutscher Bundestag: Stenographischer Bericht, 196. Sitzung (17. Januar 1980). Bonn: Bonner Universitäts-Buchdruckerei, 1980. 106 p. (I-III, 15577-15678).
6. Schmückle G. Auf der Suche nach einer neuen NATO-Strategie // Vom Kalten Krieg zur deutschen Einheit: Analysen und Zeitzeugenberichte zur deutschen Militärgeschichte, 1945-1990 / Thoß B. (Hg.). München: Oldenbourg Verlag, 1995. Pp. 543-549.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вард Г., 2009, История США: подробный справочник по истории. М.: АСТ;Астрель, 244 с.
- Голдстоун Д., 2014, Почему Европа?: Возвышение Запада в мировой истории, 1500-1850. М.: Изд-во Института Гайдара, 300 с.
- Рабуш Т.В., 2017, «Афганский фактор» и «доктрина Картера» 1980 г. США&Канада: экономика, политика, культура. № 1, с. 89-100.
- Урри Д., 2018. Как выглядит будущее? М.: Издательский дом «Дело» РАН-ХиГС, 320 с.

REFERENCES

- Goldstone Jack A., 2014, Pochemu Europa?: Vosvyshenie Zapada v mirovoi istorii, 1500-1850 [Why Europe? The Rise of the West in World History, 1500-1850]. М.: Izd-vo Instituta Gaydara, 300 p.
- Rabush T.V., 2017, «Afganskii faktor» i «doktrina Kartera» 1980 g. USA & Canada: Economics, Politics, Culture. No 1, P. 89-100.

Schmid M., 2007, Transatlantische und mittelöstliche «Krisenbögen»: Die US-Sicherheitspolitik im Zweiten Kalten Krieg zwischen NATO-Modernisierung und Carter-Doktrin – und ihre Einschätzung durch die östliche Spionage (1977-1985). Augsburg: Universität Augsburg, 112 p.

Schwarz H.-P., 2012, Helmut Kohl: Eine politische Biographie. München: DVA, 1052 p.

Urry J., 2018, Kak vyglyadit budushee? [What is the Future?]. M.: Izdatelskiy dom «Delo» RANHiGS, 320 p.

Ward G., 2009, Istoria SSHA: podrobny spravochnik po istorii [The Rough Guide to History of USA]. M.: AST; Astrel', 244 p.

Wiegrefe K., 2005, Helmut Schmidt, Jimmy Carter und die Krise der deutsch-amerikanischen Beziehungen. Berlin: Propyläen, 523 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СИНДЕЕВ Алексей Александрович, доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института Европы РАН. Российская Федерация, Москва

Alexei A. SINDEEV, Doc. Sci. (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia